

сгорает со стыда, будучи застигнутым матерью за тем, что она ему запретила, или неопределенной и общей, как в случае, когда человек стыдится за содеянное, о котором ведает и которое осуждает лишь его совесть, выражающая его чувство ответственности перед обществом», – Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок / Пер. с англ.— М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – С. 135

3. Федеральный закон от 18 мая 2005 года N 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».
4. Всеобщая декларация прав человека. – http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml, дата посещ.30.01.14.
5. Покровский А. И. Квакеры // Христианство: Словарь в 3 тт. Т.1. — М.: БРЭ, 1993.
6. Сам Борхес объясняет Алеф так: «Место, в котором, не смешиваясь, сходятся все места земного шара, и видишь их там со всех сторон». – Борхес Х.Л. Проза разных лет. – М.: Радуга, 1984. – С.193.

Каширина (Вернер) М.В.,

г. Абакан

ФАЛЬСЕОИНТЕРАКЦИИ

КАК ПРИЗНАК СОЦИАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ

Общим местом современной публицистики стало сетование, что ложь пронизывает все сферы общества. Чем сильнее развито общество – тем чаще и разнообразнее ложь. Чем выше степень свободы – тем сильнее искушение выбора в пользу лжи.

Феномен лжи рассматривается во многих науках – психология, педагогика, философия, логика и др. И рассматривается ложь в этих науках то как психологическое намерение, то как козни Дьявола, то как безличное значение. Социолога же ложь интересует, прежде всего, как социокультурный феномен. Лжет всегда кто-то и кому-то, вне социальной жизни ложь существовать не может. Истина, если понимать её как соответствие действительности, ее «отпечаток», существует «как бы» сама по себе, в то время как ложь всегда порождена человеком, в силу каких-то социальных причин. Конечно, встречаются случаи, когда ложь обусловлена причинами, находящимися вне социальной реальности, то, что называют патологической лживостью, а на людей наклеивается ярлык патологических лгунов, или Мюнхгаузов. Но это предмет психологии, или даже психиатрии. В поле нашего интереса лежит социальная детерминация лжи.

С точки зрения логики определить границы, критерии лжи достаточно просто: если высказывание соответствует реальному положению вещей, значит оно истинно, если нет, значит ложно. Но, вместе с тем, в науке принято различать понятия «ложь» и «заблуждение». Заблуждение – это состояние сознания, при котором знания, не соответствующие реальности принимаются как истинные, а ложь – это намеренное искажение истинного знания для достижения цели, получения выгоды, или во избежание наказания. Как только мы начинаем разграничивать понятия ложь и заблуждение, по критерию осознанности, мы сразу разграничиваем ложь как предмет изучения психологии и социологии. Заблуждение – это предмет психологии, поскольку часто выступает ширмой преднамеренной лжи, и различить их без особых техник очень трудно. Нас как социологов интересует ложь намеренная.

Привнесение в проблематику лжи положений теории речевых актов разнообразит и расширяет проблемное поле. Под ложью теперь можно понимать не только речевые акты, но и социальные действия, и социальные

взаимодействия. Например, сдача преподавателю купленной или скаченной из Интернета курсовой работы за плод своего умственного труда. Даже совершенное в полном молчании, это действие аналогично фразе: «Вот моя полностью самостоятельная работа».

Для нас важно не только стремление «лжеца» исказить действительность ради достижения целей или во избежание негативных последствий, но взаимность этого стремления со стороны «адресата» лжи, который по сути дела добровольно принимает это искажение за саму действительность. Речь идет о тех случаях, когда ложь становится выгодна не только «лжецу», но и «адресату лжи». Тем самым устанавливаются определённые негласные нормы социального взаимодействия, при котором оба взаимодействующих осознают, что один из них лжет, а другой это принимает. Так ложь негласно становится предметом социальной конвенции.

Регулярный обмен порождает в людях систему взаимных ожиданий; и если ожидания лжи в коммуникации взаимны, и облегчают каждому из взаимодействующих достижение своих целей, то такая фальсеокоммуникация приобретает устойчивую форму, закрепляется, ритуализируется, входит в привычку и даже в подсознание акторов. Под понятием «фальсеокоммуникация» мы будем понимать такое социальное взаимодействие, в основании которого лежит *осознанность фальши (обмана, лжи) обеими сторонами коммуникации, и одновременное принятие ими этих «правил игры».*

Очевидно, что в условиях, когда ложь выгодна обеим сторонам коммуникации, она перестает осваиваться в терминологии лжи. Конечно, если мы говорим о том, что оба Актора осознают ложность взаимодействия, то мы можем хотя бы предполагать о моральных переживаниях каждого из них. Степень этих переживаний, на наш взгляд, прямо пропорциональна мере ответственности за эту ложь, в случае, если она будет раскрыта. Кроме того,

осознание аморальности такого взаимодействия не может быть постоянным, поскольку человек не может долго испытывать чувство вины.

Объяснением этому может служить механизм замещения или вытеснения ценностей. Иными словами, люди либо смиряются с тем, что им приходится «лгать», и происходит замещение ценностей, либо добровольно соглашаются на ложное взаимодействие, и в этом случае происходит полное вытеснение прежних ценностей.

Так ложь как содержание социального взаимодействия, перестает осваиваться как проблема, что, безусловно, ведет к депроблематизации лжи как наполнения коммуникации.

Такая толерантность к подобным «нарушениям» неизбежно ведет не только к депроблематизации, но и к институционализации лжи. Общество «привыкает» к таким ложным, имитационным практикам, за которыми стоят крупные группы людей с уже сложившимися образами и формами поведения. Складывающийся на протяжении долгого времени неформальный образ действия прочно закрепляется и укореняется в сознании людей. Общество всё меньше и меньше фиксирует своё внимание на таких имитационных практиках как на деструктивных, патологических. Масса студентов-шпаргалочников воспринимается уже скорее как норма, чем патология, а списывание со шпаргалки – устойчивая социальная практика. Ещё один фактор институционализации лжи – мощное «прикрытие» этой лжи со стороны начальства, и/или даже обоснование её полезности. Начальство, как правило, вырабатывает некие формальные критерии для выявления качества процесса и результата работы. Но, зачастую, формальные критерии не отражают в полной мере, или вовсе не отражают реальное положение вещей. И одновременно с этим стремление к соответствию этим критериям, напротив, пагубно отражаются на функционировании системы. Например, сохранность контингента – это формальный критерий качества работы вуза. При этом упускается из виду то,

что стремление вуза соответствовать этому формальному критерию порождает неформальную практику выставять студентам не заслуженные ими, завышенные оценки.

Информационное взаимодействие в процессе социальной коммуникации часто по умолчанию понимается как циркулирование истины. Но в действительности информационный контакт амбивалентен, т.е. может содержать как истину, так и ложь. Ложь, как содержание коммуникации, вызывает негативные ассоциации – нас всех когда-либо обманывали. Но в определённых объективных условиях ложь становится одним из самых доступных средств достижения цели, причем не только для «лжеца», но и для «адресата лжи». При этом ложь часто значительно облегчает и сокращает путь к достижению цели. Обучение на управление автомобилем занимает 3 месяца, и требует массу усилий и эмоций на сдачи и пересдачи экзаменов, в то время как покупка прав оценивается, относительно недорого, и по срокам укладывается в 10 дней.

Важнейшим компонентом социального взаимодействия является предсказуемость взаимных ожиданий или, иначе говоря, *взаимопонимание между акторами*. В случае с фальсеоинтеракцией в качестве взаимных ожиданий выступает как раз ложь. Иными словами, «лжец» знает, что тот, кому он лжет, знает, что он лжет, и ожидает, что «адресат» лжи не станет говорить о том, что он знает об этой лжи. Взаимно, «адресат» лжи знает, что «лжец» знает, что он («адресат») знает, что ему лгут и добровольно принимает эти «правила» фальсеоинтеракции.

Тем самым можно выделить два основополагающих признака фальсеоинтеракции: во-первых, осознанность лжи двух сторон коммуникации обоими Акторами, во-вторых, демонстрация своего поведения как истинного.

Универсальной закономерностью развития всех легальных социальных структур является неминуемый эффект отчуждения между структурными

компонентами административных систем, между их функциями, и в конечном счете, между уровнями информационного коммуникативного взаимодействия. Эффект отчуждения, помимо прочего, проявляется в ложном, лицемерном взаимодействии.

Различие между административным и социальным видением реальности автоматически означает, что в информационном взаимодействии субъектов имеется текст (денотат) и контекста (коннотат), которые могут не только не совпадать, но и даже противоречить друг другу.

Подобные противоречия можно выявить даже на основе анализа административных деклараций и документов. Например, с позиции изучаемой тематики для нас представляет интерес процедура сдачи экзамена в современном вузе.

Анализ нормативно-правовой базы показал, что такой показатель как «контингент обучающихся» является важным при расчете стимулирующих выплат [1]. Чем больше численность обучающихся, тем больше количество преподавательских ставок и размер стимулирующей выплаты. Кроме того, одним из показателей, учитываемым при расчете рейтинга структур является «сохранность контингента» [2]. Эти организационные параметры составляют объективные условия, которые вынуждают преподавателей выставять незаслуженные оценки.

В результате этого преподаватель вынужден выстраивать процедуру так, чтобы студенты успешно сдали экзамен. Не стоит говорить, насколько заинтересованы в этом сами студенты. Тем самым экзамен как форма контроля приобретает всего лишь формально-имитативный характер.

Привлечение ресурсов теории отчуждения высвечивает проблему фальсеоинтеракции в новом свете, а именно: позволяет усмотреть в жестко детерминированном процессе смены фаз социального отчуждения элементы произвольности, выбора, синергичности. С одной стороны, заполнение ложью всё большего массива социальных взаимодействий свидетельствует о

разрастании и углублении социального кризиса, характерного для последних фаз отчуждения. Но, с другой стороны, та же фальсеокоммуникация – это проявление социального консенсуса, преодоление отчуждения между Акторами и их функциями. Все лгут всем, все про это знают, но всех это устраивает – как если бы процесс углубления социального отчуждения повернул вспять и вернулся к фазе всеобщего единства и тождества.

Литература

1. «Положение о порядке установления выплат стимулирующего характера работникам университета за добросовестный, качественный и эффективный труд». Условия и размеры ежемесячных выплат стимулирующего характера за интенсивность и высокие результаты по ПКГ должностей профессорско-преподавательского состава ГОУ ВПО «хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова» на 2008/2009 учебный год. от 2 декабря 2008г. (протокол №6).
2. Показатели эффективности деятельности и критерии их оценки в Рейтинговой системе ГОУ ВПО ХГУ им. Н.Ф. Катанова по направлению «Учебная и учебно-методическая деятельность (включая трудоустройство выпускников)» на 2008/2009 учебный год. от 2 декабря 2008г. (протокол №6).

Кораблева Г.Б.,
г. Екатеринбург

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДЕФОРМАЦИЙ

Динамика изменений в сфере профессионального труда в современном обществе связана с двумя процессами. С одной стороны, наблюдается дальнейшее усложнение профессиональной структуры в связи с появлением